

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Поповой Марии Юрьевны «Романистика Е. П. Ростопчиной: жанровая эволюция в контексте прозы 50-х гг. XIX века», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук (специальность 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации).

Диссертационное исследование Марии Юрьевны Поповой обращено к жанровым аспектам творчества Е. Ростопчиной – русской писательницы, чье имя не так часто упоминается в отечественном литературоведении. Между тем, изучение творчества писателей, принадлежащих «второму ряду», необходимо для понимания историко-литературного процесса, именно периферийные тексты отражают смыслопорождающие механизмы эпохи. При изучении творчества писателей подобных Ростопчиной речь в первую очередь идет не об эстетической оценке, подлинная наука не терпит оценочности и ориентирована на постижение законов, в соответствии с которыми эпоха создает тексты. Оппонируемая диссертация – как раз тот случай, когда пишущему важно понять произведения, которые еще не подвергались развернутому филологическому анализу. В центре исследовательского внимания – 4 романа Е. Ростопчиной («Дневник девушки», «Счастливая женщина», «Палаццо Форли» и «У пристани»). Одновременно М. Ю. Поповой привлечены циклы «Вдохновенья и мечты», «Давно прошедшее», «Неизвестный роман», повести «Поединок», «Чины и деньги».

Актуальность работы связана с тем, что, как справедливо отмечает диссертант, в отечественной филологии период 1850-х гг. изучен недостаточно, что определяется его промежуточным положением в историко-литературном процессе. Новизна данного исследования обусловлена тем, что систематизация творчества Е. Ростопчиной впервые представлена в аспекте жанровых дефиниций, также выявлена логика творческого пути автора, чье имя стоит у истоков русской психологической прозы. В диссертации задействованы историко-функциональный, биографический, сравнительно-исторический и системно-структурный методы изучения.

Во введении обстоятельно прописана история изучения поэзии и прозы Е. П. Ростопчиной, начиная с откликов критики середины XIX в. (П. Плетнев, В. Белинский, А. Дружинин и др.). Обзор критический и литературоведческих отзывов демонстрирует низкую степень изученности произведений писательницы. Написание данной диссертации – успешная попытка заполнить лауну отечественного литературоведения и дополнить сведения о русской словесности 1850-х гг.

Первая глава обращена к изучению специфики русской прозы 1850-х гг. – периода, получившего в отечественной филологии название «зияющего», «неприкаянного», «неоригинального». Диссертант встает на точку зрения Н. А. Энгельгардта, который когда-то указал на переходный характер литературы середины столетия. Подобные эпохи трудны для изучения, поскольку обозначившиеся впоследствии тенденции в «зияющих» эпохах предстают в своем зачаточном виде. В пределах этой же главы решается и вопрос о «забытой» женской прозе – привлекаются имена Ю. Жадовской, М. Жуковой, А. Марченко, А. Панаевой, Е. Ростопчиной, Е. Тур. Миную гендерную проблематику, диссертант вслед за Ю. Лотманом акцентирует внимание на том, что благодаря литературе в 1850-ые гг. складываются новые представления о женщине – именно женщина становится «наиболее чутким выразителем эпохи». Переходный характер времени сказался и в разнообразии жанровых дефиниций, характерных для прозы 1850-х гг., живая действительность не укладывалась в традиционные жанровые формы, разрушала их границы. Кроме того, анализ женской прозы показал, что доминирующим жанром в данный период является повесть, что также симптоматично, т.к. повесть занимает промежуточное место между рассказом и романом.

Вторая глава диссертационного исследования начинается с постановки вопроса о периодизации творчества Е. П. Ростопчиной. Не претендуя на окончательность выводов, М. Ю. Попова предлагает новую периодизацию, основанную на динамике жанровых форм. Выделено 4 периода в зависимости от доминирования в каждом из них того или иного литературного жанра – «Московский ранний период», «Аннинский период», «Петербургский период», «Поздний московский период». Представленная в работе концепция убедительна, важно также, что в исследовании приведена характеристика каждого из периодов, на основании чего можно проследить эволюцию литературных форм – от поэтических циклов до романа. Отдельно стоят произведения Ростопчиной, созданные в жанре драмы, но это уже другая линия исследования, тоже по-своему интересная и не менее увлекательная.

Третья глава обращена к произведению Е. Ростопчиной «Дневник девушки», жанровая природа которого определена в диссертации как любовно-психологический «роман в стихах». М. Ю. Попова убедительно показывает переходную родовую природу этого текста, усвоившего опыт пушкинской традиции, прежде всего, опыт пушкинского романа в стихах. Интересен предложенный сопоставительный анализ главной героини «Дневника» Зинаиды с Татьяной Лариной. Несмотря на то, что в подобном ключе произведение Ростопчиной уже рассматривалось (А. Ранчин), диссертант находит новые доказательства, подтверждающие заимствованный характер главных героев «Дневника».

Более самостоятельным в плане научной новизны представляется второй параграф, в котором рассмотрены такие «жанровые носители», как субъектная организация, пространственно-временная организация, а также ритм и ассоциативный фон произведения. Важным представляется анализ «чужого слова», которое является маркером усложнения стиля и, соответственно, маркером усложнения авторского восприятия мира. Диссертант также подробно останавливается на анализе временной и пространственной структуры текста. Актуальна, на наш взгляд, постановка вопроса об «эпиграфическом комплексе». В романе «Дневник девушки» Ростопчина употребляет беспрецедентное число эпиграфов – 202. Как показано в диссертационной работе, эти эпиграфы представляют собой продуманную систему. Прежде всего, М. Ю. Попова очерчивает круг русских и западноевропейских писателей, цитаты из произведений которых задействованы в данном тексте. Отмечены наиболее цитируемые авторы, среди которых оказывается Дж. Г. Байрон, М. Деборд-Вальмор. Диссертант также выявляет 4 основные функции эпиграфов (функция жанрового ориентира, сюжетопорождающая функция, функция «эмоциональных камертонов», интертекстуальная функция). В конце главы сделан вывод о том, что «эпиграфы “сообщаются” в произведении, это сложный “хор” голосов-предшественников Е. П. Ростопчиной, каждый из которых имеет свой “объем звучания”» [с. 136]. Диссертанту в данной главе посчастливилось выйти на важнейшую теоретическую проблему, касающуюся «эпиграфических комплексов». Насколько нам известно, эта проблема в отечественном литературоведении решалась только относительно отдельных текстов («Евгений Онегин» или «Поэма без героя»). В дальнейшем было бы интересно проследить историческую динамику «эпиграфических комплексов», их движение во времени культуры. Что касается анализа эпиграфов в романе Ростопчиной, то он проведен блестяще, и именно это глубокое погружение в проблему оборачивается рядом вопросов. Апеллируя к метафоре Б. М. Гаспарова, диссертант говорит о «смысловой воронке», «втягивающей в себя не ограниченные ни в объеме, ни в их изначальных свойствах слои культурной памяти; при этом каждая новая конфигурация, принимаемая материалов в процессе втягивания его в эту камеру-воронку, вызывает новые втягивающие и индуцирующие смыслы» (Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX в. М., 1993. С. 291). В этом случае мы получаем сложнейший текст, который по своим смысловым механизмам превосходит литературу своего времени. Вряд ли «Дневник девушки» Ростопчиной обладает этим свойством. В этом случае как раз важно ответить на вопрос, почему 202 эпиграфа не придают тексту необходимого смыслового объема и не выводят данное произведение в литературные шедевры.

В четвертой главе диссертации пророчен переход от светской повести к психологическому роману. В центре исследовательского внимания – роман Е. Ростопчиной «Счастливая женщина». Логично, что в первой параграфе М. Ю. Попова обращается к конструктивным чертам жанра «светской повести» и выявляет наличие этих черт в тексте Ростопчиной. Построение данной главы повторяет логику предшествующей – особое внимание также уделено анализу пространственно-временной структуры и субъектной организации, что представляется обоснованным, поскольку автору работы необходимо сопоставить между собой различные этапы творчества. Хотелось бы уточнить следующее. Диссертант акцентирует внимание на эмоциональном пафосе романа, выявляя по ходу особенности нарративной структуры (обилие многоточий, восклицательных и вопросительных знаков, параллелизм, повторы и т.д.). Приведенные текстовые примеры подтверждают эти наблюдения, но почему-то в работе не поставлен вопрос о влиянии сентиментальной повести на художественную манеру Ростопчиной. При этом следы этого влияния, главным образом, карамзинские, очевидны. Этот момент представляется принципиальным, поскольку литература 1850-х гг. в целом и жанр светской повести в частности испытывали на себе сильнейшее влияние сентиментализма, проникающего даже в ранние произведения Ф. Достоевского и Л. Толстого. В данной главе диссертант вновь выходит на интереснейшую теоретическую проблему, касающуюся специфики «рамочного текста» (подзаголовки, посвящения, эпитафии, авторские примечания, предисловия, послесловия). Интересна предложенная диссертантом классификация подзаголовков, которые подразделяются им на шесть типов. Поскольку работа обращена к изучению жанровых аспектов, исследовательница сосредотачивает свое внимание на подзаголовках, связанных с «авторской жанровой номинацией». Научной новизной характеризуется последний параграф, где представлен развернутый интертекстуальный анализ – обнаружена связь романа «Счастливая женщина» с повестью О. де Бальзака «Графиня де-Вандесс и поэмой М. Лермонтова «Сказка для детей». В конце главы сделан вывод о нарастании романских элементов в творчестве Ростопчиной. Жанровая специфика «Счастливой женщины» определяется диссертантом как психологический роман.

Пятая глава исследования посвящена повести «Палаццо Форли», но жанр повести изначально оспорен, и М.Ю. Попова рассматривает этот текст как романную структуру. По мнению диссертанта, по сравнению с предшествующими произведениями в «Палаццо Форли» в значительной степени возрастает роль безличного повествователя, при этом безличное повествование несет в себе возможность субъективных, эмоционально окрашенных авторских отступлений. Усложнение субъектной организации обусловлено

включением несобственно-прямой речи, «чужого голоса». Опираясь на суждения Бахтина, исследовательница говорит о присутствии в тексте «многообразной игры границами речей, языков и кругозоров». И здесь снова возникает вопрос о правомерности подобного утверждения по отношению к роману Ростопчиной. Вывод о сложной субъектной организации, характеризующейся провокацией границ и нарративной игрой, на наш взгляд, преждевременен, поскольку подобная организация текста предполагает сложный и противоречивый авторский взгляд на действительность, чего мы, к сожалению, не видим в романе «Палаццо Форли». Необходимо уточниться, с каким именно эстетическим феноменом имеет дело читатель при наличии формальных признаков усложненной субъектной структуры. Исследуя пространственно-временную организацию произведения, диссертант выделяет «замковый» и «венецианский» хронотопы. Этот фрагмент диссертационной работы чрезвычайно значим, поскольку здесь не только впервые развернут анализ хронотопа в «Палаццо Форли», но и существенным образом дополнены параметры «венецианского текста» (шире – «итальянского текста») русской литературы, а также намечено изучение романа Ростопчиной в контексте готической традиции. В последнем параграфе уделено внимание мотивной структуре текста, выявлена цепочка первичных мотивов ('камень', 'цветок', 'цвет' и 'пение') и вторичных мотивов ('статуя', 'портрет', 'сад'). Глава изобилует интереснейшими наблюдениями и исследовательскими находками и, на наш взгляд, является кульминационной в диссертационной работе. М. Попова не только делает интересные выводы, но открывает возможные пути и для дальнейшего изучения и данного романа, и русской литературы 1850-х гг.

Завершающая диссертацию шестая глава обращена к эпистолярному роману «У пристани». Последний роман Ростопчиной еще не являлся предметом филологического анализа, вследствие чего вклад М. Поповой в изучение этого текста очевиден и, думается, что ни одно последующее исследование не обойдется без ссылки на данную диссертацию. Внимание диссертанта сосредоточено на субъектной организации, что вполне обосновано, поскольку роман «У пристани» включает в себя письма множества адресатов и является примером эпистолярного текста. При этом, «перед читателем возникает не традиционная линейная переписка двух персонажей, но объемная и разветвленная корреспонденция. Роман содержит перекрестную переписку из 68 писем между 11 адресантами и 8 адресатами» [с. 222]. По мнению автора работы, Ростопчина «воссоздает сложную оркестровку голосов в романе, включающую голоса активных участников переписки и героев, не являющихся ее прямыми участниками» [с. 232-233]. И вновь «сложная оркестровка голосов» не демонстрирует объемного авторского видения действительности.

На наш взгляд, субъектная структура данного текста в очередной раз иллюстрирует становящийся характер реализма. За предъявленным в романе многообразием субъектов речи все же не скрывается такого же многообразия сознаний (в диссертации утверждается обратный тезис: «...субъектов сознания в романе Е. П. Ростопчиной оказывается значительно больше, нежели субъектов речи» [С. 232]). Это ключевой вопрос связан с научной полемикой и, думается, он может быть разрешен в дальнейших работах диссертанта. В целом глава оставляет очень благоприятно впечатление, поскольку изобилует научными догадками и открытиями. В качестве примера обратимся к одному из наблюдений над текстом, показавшимся нам перспективным. В романе представлены не все письма героев, т.е. в тексте использован «минус-прием». Как известно, «фигура отсутствия» не менее важна для понимания, чем приведенный текст. В связи с этим хотелось бы спросить у диссертанта, кто из русских писателей еще использовал прием «пропущенных писем»? Несомненной удачей является параграф исследования, в котором диссертант обращается к мифологическим, библейским и литературным источникам романа «На пристани». Анализ романа «У пристани» позволил М. Ю. Поповой прийти к выводу о его философско-психологическом характере. Вопрос об актуальности, научной новизне и практической значимости по отношению к последней главе является риторическим.

Заключение отражает структуру диссертации и еще раз очерчивает этапы становления творчестве Е. Ростопчиной.

Итак, диссертация Марии Юрьевны Поповой является многогранным, целостным и завершенным научным исследованием, сочетающим разнообразные методологические подходы, тонкую профессиональную интуицию автора и умение анализировать и доказательно интерпретировать художественный текст. Его актуальность, научная новизна и практическая значимость не вызывают сомнений. Диссертационная работа М. Ю. Поповой выделяется на фоне потока диссертаций последних лет тщательной проработкой всех поставленных вопросов. На основании данного исследования могут быть созданы учебные курсы, посвященные изучению русской литературы 1850-х гг., обновлена информация по данному периоду в вузовских учебниках. Автореферат и публикации по теме диссертации в полной мере отражают ее содержание и основные положения, выносимые на защиту. Содержание диссертации отражено в 20 статьях, в том числе в 4 статьях, опубликованных в журналах из перечня рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных Минобрнауки России. Диссертация прошла необходимую апробацию на межвузовских, всероссийских и международных конференциях.

Диссертация «Романистика Е. П. Ростопчиной: жанровая эволюция в контексте прозы 50-х гг. XIX века» соответствует паспорту научной специальности 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации, отрасли наук – Филологические науки и требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ, а ее автор, Мария Юрьевна Попова, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент
Зверева Татьяна Вячеславовна,
доктор филологических наук,
по научной специальности 10.01.01 Русская литература,
профессор кафедры истории русской
литературы и теории литературы
ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»

Т.В. Зверева

426053, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Восточная, 40 - 72.
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru, тел.: 8 (912) 756-46-52

13 сентября 2024 г.

Подпись Т.В. Зверевой
заверяю

А.А. Кушмина